

THE GLOBE AND MAIL*

Oct. 27, 1994

Tamara Bernstein

REVIEWS IN BRIEF CLASSICAL

Dmitri Hvorostovsky and Mikhail Arkadiev.

An amazing baritone, capable of more.

RUSSIAN baritone Dmitri Hvorostovsky is one of the brightest stars on the vocal scene these days, so it was hardly surprising that his appearance at the Recital Hall at the North York Performing Arts Centre on Tuesday night drew a large and enthusiastic crowd. (He also performed Sunday night.) Hvorostovsky spent most of Tuesday's program anchored in repertoire of his homeland - Shostakovich and Rachmaninoff - with side trips to England (Purcell) and France (Ravel).

Hvorostovsky captured the strange sense of cultural dislocation created by the Russian flavour of Shostakovich's settings of two Spanish folk songs - Adios Granada and The First Encounter, from a cycle written for mezzo-soprano and piano in 1956.

The same composer's Four Monologues on Verses of Pushkin, Op.91, date from autumn, 1952. Hvorostovsky performed the first (Fragment), which paints a bleak picture of an impoverished Jewish family in Tsarist Russia. It was not the first time that Shostakovich drew on the image of persecuted Jews to express his horror of oppression (the cycle was written the year before Stalin's death); the bleak, elliptical setting of Fragment, with its listless piano figures, had a haunting effect. Hvorostovsky's French wasn't quite up to snuff in Ravel's Don Quichotte a Dulcinee - a question of some stray vowels and swallowed consonants. But the prize for linguistic incompetence goes to the program editors of the Recital Hall, whose error-riddled French text was an embarrassment.

Pianist Mikhail Arkadiev played with a certain emotional detachment that made their partnership functional rather than thrilling. And while Hvorostovsky's gorgeous instrument, his superb breath control and his gift for musical storytelling made his performances a pleasure, I felt we were not hearing the singer at his most engaged. Granted, he warmed up emotionally toward the end of the program - especially in Rachmaninoff's Noch pechalna (Sad Night) and encores by Leoncavallo, Tchaikovsky and Rachmaninoff.

Every artist probably has nights where he or she has to fall back on a certain amount of automatic pilot. Hvorostovsky on automatic pilot is still pretty amazing, but it wasn't enough to move me.

Тамара Бернштейн

КРАТКИЕ РЕЦЕНЗИИ: КЛАССИКА

**Дмитрий Хворостовский и Михаил Аркадьев.
Удивительный баритон, способный на большее.**

Российский баритон Дмитрий Хворостовский - одна из ярчайших звёзд современной оперной сцены, поэтому неудивительно, что его выступление во вторник вечером в концертном зале Recital Hall Центра исполнительских искусств Норт-Йорка собрало многочисленную и восторженную аудиторию. (Он выступал и в воскресенье вечером.) Большую часть программы вторника Хворостовский посвятил репертуару своей родины - Шостаковичу и Рахманинову, с небольшими отступлениями в сторону Англии (Пёрселл) и Франции (Равель).

Хворостовский сумел передать странное ощущение культурной разобщённости, которое создаёт русский колорит в обработках Шостаковича двух испанских народных песен - "Прощай, Гранада" и "Первая встреча" из цикла, написанного для меццо-сопрано и фортепиано в 1956 году.

Цикл этого композитора "Четыре монолога на слова Пушкина", соч. 91, относится к осени 1952 года. Хворостовский исполнил первый ("Фрагмент"), рисующий мрачную картину нищей еврейской семьи в царской России. Это был не первый случай, когда Шостакович обращался к образу преследуемых евреев, чтобы выразить свой ужас перед угнетением (цикл был написан за год до смерти Сталина); мрачная, сдержанная музыкальная ткань "Фрагмента" с его вялыми фортепианными фигурами производила гнетущее впечатление. Французский Хворостовского в "Дон Кихоте и Дульсине" Равеля был не на должном уровне - из-за нескольких случайных гласных и проглоченных согласных. Но приз за лингвистическую некомпетентность достаётся редакторам программы концертного зала, чей текст на французском, изобилующий ошибками, вызвал недоумение.

Пианист Михаил Аркадьев играл с некоторой эмоциональной отстраненностью, из-за чего их дуэт выглядел скорее функциональным, чем захватывающим. И хотя прекрасный голос Хворостовского, его превосходное дыхание и дар музыкального повествования делали исполнение настоящим удовольствием, создавалось ощущение, что мы слышим певца не в лучшей форме. Правда, к концу программы он стал более эмоционально вовлечённым - особенно в "Ночь печальна" Рахманинова и в бисах на музыку Леонкавалло, Чайковского и Рахманинова.

Наверное, у каждого артиста бывают вечера, когда ему или ей приходится в определенной степени полагаться на "автопилот". Хворостовский даже на "автопилоте" великолепен, но на этот раз этого оказалось недостаточно, чтобы по-настоящему тронуть меня.

Перевод с английского Н.Тимофеева